

Всеобщая история

УДК 929.5(37)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-68-89

Генеалогия и история в римской Республике

Ольга В. Сидорович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, varro52@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются легендарные генеалогии римских аристократических родов, среди которых наиболее политически значимым в эпоху Республики был клан Фабиев. Одна из генеалогий возводит происхождение рода к Геркулесу и обеспечивает ему божественное происхождение, другая представляет Фабиев как товарищей Рема и связывает их с древнейшим празднеством Луперкалий и с основанием Рима. Поначалу обе родословные не имели точек соприкосновения и развивались независимо друг от друга, пока различные их детали не перестали восприниматься в сочинениях авторов поздней античности как части самостоятельных рассказов. Происхождение Фабиев от Геркулеса рассматривается в статье на фоне генеалогий других римских аристократических родов, которые вели свое происхождение от троянских и греческих героев и от богов. Известно, что в I в. до н. э. появляются литературно оформленные генеалогии представителей римского политического класса, однако начало этого процесса мы можем отнести к более раннему времени – рубежу IV–III вв. до н. э. Фабии имели своего историографа – Квинта Фабия Пиктора, который приложил немало усилий, чтобы представить деяния своих предков в наиболее благоприятном свете. Однако несправедливо делать его ответственным за воссоздание всей истории клана с древнейших времен. Для Фабиев создание легенды об их происхождении от Геркулеса началось в конце IV в. до н. э. и связано с деятельностью Квинта Фабия Руллиана. К этому же времени относится и рождение легенды о Фабиях как товарищах Рема, которая связала их с основанием Рима.

Ключевые слова: легендарные генеалогии, Фабии, Геркулес, Луперкалии, основание Рима, Ромул и Рем, Фабий Пиктор, Квинт Фабий Руллиан

Статья поступила в редакцию 18 марта 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

© Сидорович О.В., 2025

Для цитирования: Сидорович О.В. Генеалогия и история в римской Республике // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 68–89. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-68-89

Genealogy and history during the Roman Republic

Olga V. Sidorovich

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, varro52@mail.ru*

Abstract. The article deals with the legendary genealogies of the Roman aristocratic families. Among them the Fabii were the prominent clan in the political life of the Roman Republic. One of their genealogies goes back to Hercules and guarantees them a divine origin, the other presents them as the companions of Remus and connects the family with the most ancient festival of Lupercalia and the foundation of Rome. Both genealogies at first had nothing in common and developed irrespective of each other until their separate details stopped being interpreted as parts of independent tales in the works of Late Antiquity authors. The origin of the Fabii from Hercules is considered in the paper against the background of the other Roman families' genealogies, which go back to the Trojan and Greek heroes and the Gods. It is well known that in the I century B.C. there came into being the literary genealogies of the families belonged to the Roman political class, but the starting point of that process goes back to the earlier period, namely, the end of the 4th – beginning of the 2nd century B.C. The Fabii had their own historian – Quintus Fabius Pictor, who made efforts in order to present his ancestors' activities in the most favourable way. But it is unfair to make him responsible for the reconstruction of his family history from the ancient times. The composition of the legend about Hercules as the forefather of the Fabii was launched at the end of the IV century B.C. and was connected with the political activity of Quintus Fabius Rullianus. To that very time we can also refer the birth of the legend which connects the Fabii with Remus and with the Rome's foundation tale.

Keywords: legendary genealogies, Fabii, Hercules, Lupercalia, foundation of Rome, Romulus and Remus, Fabius Pictor, Quintus Fabius Rullianus

The article was submitted for publication 18.03.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Sidorovich, O.V. (2025), "Genealogy and history during the Roman Republic", *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 68–89, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-68-89

Введение

Род Фабиев оставил заметный след в истории республиканского Рима. С первого своего появления в исторической традиции Фабии занимали первенствующее положение и были частью политической и военной элиты Рима. Поэтому несомненный интерес представляют свидетельства античных авторов, связывающие род Фабиев с началом Рима, точнее со временем до основания самого города, когда братья-близнецы, Ромул и Рем, вели пастушеский образ жизни.

Дионисий Галикарнасский подробно рассказывает историю близнецов Ромула и Рема, последнего он называет Ромом, следуя своим предшественникам – греческим авторам, писавшим об основании Рима начиная с V в. до н. э.¹ Братья, воспитанные пастухом, часто конфликтовали с соседями из-за пастбищ. В конце концов это завершилось организацией на них засады, но удар принял на себя Ром и был схвачен пастухами², тогда как Ромул в это время отбыл в Ценину для совершения священнодействий. Эта версия, по замечанию Дионисия (1.79.4), основана на рассказе Фабия Пиктора и тех авторов, которые следовали ему – Луция Цинция, Порция Катона, Кальпурния Пизона и многих других. Значит, в версии Фабия Пиктора брат Ромула назывался Ромом, в соответствии с греческой традицией, которая не связывала этот эпизод биографии братьев с их участием в празднике Луперкалий, ведь священнодействия, в которых принимал участие Ромул, не названы. Связь священнодействий с Луперкалиями устанавливает только Элий Туберон (первая треть I в. до н. э.), версию которого также приводит Дионисий (1.80.1). В этом случае братья вместе участвуют в священнодействиях (точнее в беге вокруг Палатина)³, причем первенство принадлежит отряду

¹ Среди греческих авторов, упоминавших об основании Рима, Дионисий (1.72.2) называет Гелланика Лесбосского, автора сочинения по истории жриц Аргоса (Dionys. 1.22.3), и его ученика Дамаста Сигейского (2-я половина V в. до н. э.). Однако наиболее подробно историю Рима от основания города до 264 г. до н. э. изложил Тимей Сицилийский. О его роли в становлении римской историографии см.: *Контев А.В.* Тимей из Тавромения и Рим в контексте глобализации античного Средиземноморья // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2007. Вып. 6. С. 89–127.

² Dionys. 1.79.12-14.

³ А. Мичелз высказала предположение, что путь луперков пролегал через долину Форума: *Michels A.K.* Topography and interpretation of Lupercalia // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1953. Vol. 84. P. 48.

во главе с Ромом⁴. Но в результате пленены были оба брата. Далее Дионисий (1.80.3) вновь переключается на рассказ Фабия Пиктора, из которого следует, что в руках врагов оказался только Ром, его же в оковах привели в Альбу, а Ромул пришел ему на выручку. Следовательно, устойчивая связь близнецов с Луперкалиями встречается только в римской версии легенды⁵, с которой Дионисий познакомился в сочинении Элия Туберона. В ней Ром играет более важную роль в священнодействиях по сравнению с Ромулом. Такая ситуация выглядит нетипичной в сравнении с канонической версией рассказа, изложенной Ливием, в которой братья вплоть до основания города действовали во всем сообща как равноправные партнеры. Собранные Дионисием рассказы различных авторов наглядно демонстрируют тот факт, что не существовало единой и общепринятой истории Ромула и Рема: она представляла собой ряд различных, иногда несовместимых версий рассказа, частью которого было повествование о молодых годах близнецов.

Позже к периоду пастушеской жизни братьев обратился Овидий. Первое, что следует отметить – товарищеские отношения Фабиев с братом-близнецом Ромула Ремом. Овидий (*Fast.* 2.359-380) объясняет присутствие Фабиев в окружении Рема их совместным участием в ритуалах, сопровождавших празднование Луперкалий. Бег двух команд обнаженных юношей, который является центральным событием Луперкалий, представлен как ритуальное состязание участников праздника. В поисках «латинских» (то есть местных) причин для объяснения наготы луперков поэт переносит читателя в юные годы братьев, которые постоянно соперничали друг с другом. В этом соперничестве Фабии находились на стороне Рема, а Ромул вместе со своими сторонниками Квинтилиями представлен как неудачник⁶. Неудачи преследуют Ромула и во время совершения жертвоприношений, которыми сопровождаются Луперкалии⁷: первыми у столов с жертвенным мясом

⁴ Дионисий (1.80.2) говорит о трех отрядах луперков, т. е. передает известную ему ситуацию I в. до н. э., когда при Юлии Цезаре число отрядов луперков увеличилось с двух до трех.

⁵ Ливий (1.5.3) лишь пунктиром обозначил связь братьев с Луперкалиями, ограничившись замечанием о юношах, увлеченных праздничной игрой (*huic deditis ludicro cum sollemne notum esset insidiatos ob iram praede amissae latrones ...*).

⁶ Ovid. *Fast.* 2.376.

⁷ Античные авторы связывали культ луперков с различными божествами. Перечень источников приведен в кн.: Жреческие коллегии в раннем Риме: К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2001. С. 251. Согласно Овидию (*Fast.* 2.361)

оказались Рем и Фабии, которым это мясо и досталось, а Ромулу пришлось довольствоваться лишь костями жертвенного животного. Таким образом, Овидий принимает связь близнецов с Луперкалиями, подчеркивает главенство в них Рема, в окружении которого появляются Фабии.

Основная часть

Прежде всего обращает на себя внимание сам факт появления Фабиев в легенде о Ромуле и Реме, поскольку в рассказах историков о царском периоде Фабии полностью отсутствуют и вновь встречаются среди высших должностных лиц теперь уже республиканского Рима только в 485 г. до н. э.⁸ Каким образом и почему Фабиям нашлось место в компании близнецов периода их пастушеской жизни? В поисках ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание на то, что Фабии еще раз появляются в окружении Ромула и Рема на завершающей стадии соперничества между ними за главенство во вновь основанном городе, по сути дела в споре братьев за то, кому быть царем в Риме.

Соперничество братьев приобрело враждебный оттенок уже при совершении ауспий, которые должны были определить, кто из них даст свое имя будущему городу. Этот эпизод был в ходу у римлян с эпохи Энния, который описывает его в «Анналах» со знанием деталей практики авгуров⁹. Соперничество в конечном итоге закончилось смертью Рема, о чем повествует уже вся античная историография, правда, порой, желая отвести от Ромула обвинение в братоубийстве¹⁰, называет вероятного убийцу Рема. Наиболее распространенная версия приписывает убийство Рема

Луперкалии справлялись в честь Фавна, в жертву которому приносили козу. Т. Вайзман утверждает, что луперки почитали аркадского Пана, культ которого начал проникать в Рим не ранее V в. до н. э.: [Wiseman 1995, p. 85].

⁸ Liv. 2.41.12. С этого года в течение семи лет (485–479 гг.) представители рода Фабиев неизменно занимали высшую магистратуру.

⁹ Энний определяет места проведения ауспий Ромулом и Ремом (Ann. 72–78 Sk.), использует авгурские термины для обозначения побуждающих к действию птиц (Ann. 86–87 Sk.) и для характеристики полученного Ромулом знамения (Ann. 155 Sk.). Для Энния Ромул и Рем были искусными авгурами (Cic. Div. 1.107: Romulus augur, ut apud Ennium est, cum fratre item augure).

¹⁰ Flor. 1.1.8: dubium an iussu fratris occisus est.

(Рома) Целеру – сподвижнику Ромула¹¹. Но существует и менее распространенная версия, переданная Иеронимом Стридонским (345–420 гг. н. э.), которая выводит убийцей Рема некоего Фабия (Fabius): во-первых, Фабий фигурирует здесь как военачальник (*dux*) Ромула; во-вторых, названо орудие убийства в руках Фабия – им был «пастушеский заступ» (*rutrum pastorale*)¹².

Валерий Анциат сообщает, что Целер был командиром отряда юношей в триста человек, которых Ромул использовал в качестве своей охраны. По имени своего командира Целера они стали называться целерами¹³. Этому командиру подчинялись три центуриона¹⁴, что дает основание предположить, что Целер являлся командиром всаднического отряда (*tribunus celerum*), состоявшего из трех центурий Тициев, Рамнов и Луперов¹⁵. Что касается Фабия как возможного убийцы Рема (Рома), то, согласно Фесту, он именовался Фабием (*Fauius*) и возглавлял один из отрядов луперков, который получил название *luperci Fauiani*¹⁶. Два отряда луперков состязались в ритуальном беге за право совершить жертвоприношения, а предводитель самого быстрого отряда, член которого в данном случае тоже выступали в роли *celerēs* (быстрых), получал имя *Fauius*. Современные исследователи обратили внимание на то, что это имя было производным от *Faunus* / *Fauius* – божества, в честь которого совершались священнодействия, а его спутники становились *fauni* / *fauiani* [Кортев 2005, р. 21]. Значит, изначально названия луперков не имели ничего общего с *gens Fabia*, а связь рода с Луперкалиями и, следовательно, с началом Рима могла стать достоянием исторической традиции значительно позже. В связи

¹¹ Dionys. 1.87.4. Правда, Дионисий приводит и свое мнение о смерти Рома в битве со сторонниками Ромула, которое он считает наиболее убедительным из всех рассказов (Dionys. 1. 87. 3–4). См. также: Liv. 1.15.7; Plut. Rom. 26, Numa 7; Fest. 48 L.: *celerēs*; Plin. NH. 33.35; Serv. Aen. 11.603; OGR 23.7; Lyd. De mag. 1,9,14,37; Zon. 7.3.4.

¹² Hieronym. Chron. p. 152 Fotheringham: Remus rutro pastorali a Fabio Romuli duce occisus est.

¹³ Val. Ant. ap. Dionys. 2.13.2. Мнение большинства, в передаче Дионисия (*ibid.*), отличалось от свидетельства Валерия Анциата и сводилось к объяснению названия «целеры» от быстроты (*celeritas*), с которой юноши выполняли свои обязанности.

¹⁴ По-видимому, Дионисий (2.13.3) излагает далее информацию о целерах по Валерию Анциату.

¹⁵ По Ливию (1.13.8), три центурии всадников были составлены Ромулом.

¹⁶ Paul. Fest. 78 L: *Fauiani et Quintiliani appellabantur luperci, a Fauio et Quintilio praepositis suis.*

с этим интерес представляет наблюдение А.В. Коптева, что оба имени – и *Celeres*, и *Fabius / Favius* относились к самому Ромулу, который был главой обеих молодежных групп – целеров, и луперков – главных действующих лиц религиозной жизни древнейшей римской общины с той лишь разницей, что луперки относились к ее догородской стадии развития, а целеры были продуктом более сложного, и социально структурированного, общества [Коптев 2005, pp. 21, 22].

Легендарное прошлое Фабиев, в котором устанавливалась их связь с Ремом и Луперкалиями, не подкрепляется сохранившимися в исторической традиции объяснениями происхождения родового имени Фабиев. Фест приводит сразу две версии происхождения этого помен: первоначально Фабии назывались Фовиями (*Fovi*), поскольку их родоначальник происходил от Геркулеса и женщины, с которой он сошелся в яме для ловли зверей (*in fovea concubuit*). Силий Италик (*Рип.* 6.627–636) называет эту женщину дочерью Эвандра, тем самым обеспечивая Фабиям не только древность происхождения, но и связь с героями Греции¹⁷. Другой вариант легенды указывает на Геркулеса как на героя, научившего Фабиев ловить медведей и волков с помощью ям¹⁸.

Переданная Фестом этимология родового имени Фабиев никак не отражает их предполагаемого участия в Луперкалиях, о чем повествует Овидий. Мы видим, что Фабии имели две родословные: одна делала их действующими лицами легенды о близнецах – основателях Рима – и закрепляла за ними изначальное место в религиозной жизни города (участие в священнодействиях луперков), другая – обеспечивала им божественное происхождение, указывая на Геркулеса как их прародителя. Поначалу обе родословные не имели точек соприкосновения и развивались независимо друг от друга, пока различные их детали не перестали восприниматься как части самостоятельных рассказов. Так, описанный Овидием пастушеский образ жизни Фабиев совместился с представлением о них как о ловцах зверей, использующих для этой цели ямы, вырытые «пастушеским заступом», который в поздней версии Иеронима превратился в орудие убийства.

¹⁷ В римской исторической традиции Эвандр выступал в роли культурного героя – ему приписывалось изобретение латинского алфавита (*Лив.* 1.7.8); он же познакомил италийцев со злаками и научил их сеять (*OGR* 5.4).

¹⁸ *Fest.* 87 L: *Fovi, qui nunc Favi appellabantur, dicti, quod princeps gentis eius ex ea natus sit, cum qua Hercules in fovea concubuit. Alii putant, eum primum ostendisse, quemadmodum ursi et lupi foveis caperentur.* Похожее объяснение приводит Плутарх (*Fab.* 1).

Вернемся к рассказу Овидия. Его изложение истории с жертвоприношением, когда один из участников мероприятия опаздывает к пиршеству, несомненно перекликается с рассказом Ливия (1.7.12–13) о Поттициях и Пинариях, которые оказались в схожей ситуации во время жертвоприношения Геркулесу. Можно предположить, что идентичность содержания рассказов о Фабиях и Пинариях (род Поттициев вымер)¹⁹ объясняется их связью с культом Геркулеса – в одном случае с исполнением священнодействий у Великого Алтаря (Ага Махима), как у Пинариев²⁰, в другом – с возведением к Геркулесу своей родословной, как у Фабиев.

Римляне никогда не сомневались в греческом происхождении культа Геркулеса²¹ и в то же время не относились к нему, как к чужеземному²². Такое положение Геркулеса в римском пантеоне Г. Виссова объясняет тем, что культ был воспринят не прямо от греков, а из италийских общин. Центром, из которого культ Геркулеса распространился по всей Италии, Г. Виссова называет кампанский город Кумы, откуда он проник в Лаций и укоренился в Тускуле, Пренесте, Ланувии и Тибуре, а затем был перенесен в Рим²³.

¹⁹ Liv. 1.7.14, 9.29.9-10; Val. Max. 1.1.17; Fest. P. 237 L.

²⁰ Макробий (Sat. 3.6.12) цитирует Вергилия (Aen. 8.270), который назвал «дом Пинариев стражем святыни» (domus Herculei custos Pinaria sacri hanc aram luco statuit). Подробнее о служении Пинариев Геркулесу: Macrobian Sat. 3.6.14.

²¹ Вергилий (Aen. 8.268–305) описывает жертвоприношения в честь Геркулеса, которые совершались по греческому обряду (Liv. 1.7.3,15), характеризовавшемуся наличием лаврового венка на голове жреца (Macrobian Sat. 3.6.17; Serv. Aen. 8.276). По мнению Дж. Шайда, греческий обряд (Graecus ritus) был искусственной категорией, созданной римлянами III–II вв., чтобы обозначить древние римские культы, у которых подчеркивалось «греческое» происхождение. См.: Шайд Дж. Римская религия / пер. с фр. О.П. Смирновой. М., 2006. С. 48.

²² Римская историческая традиция связывала появление культа Геркулеса с пребыванием Эвандра в Лации, на месте будущего Рима (Liv. 1.7.4–14). По словам Ж. Дюмезиля, «Рима еще не было, когда Геркулес освятил уже для него место»: Дюмезиль Ж.Э. Религия древнего Рима / пер. с фр. Т.И. Смолянской. СПб., 2018. С. 572.

²³ На этом основании Г. Виссова считал вероятным происхождение Пинариев из Тибура: Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912. S. 272, 275. О заимствовании римлянами культа Геркулеса из Тибура см. также: Helbig W. Die Castores als Schutzgötter des römischen Equitatus // Hermes. 1905. Bd. 40. S. 111. Р. Огилви говорит лишь о заимствовании Пинариями, а вместе с ними и Фабиями, их родового культа: Ogilvie R.M. A commentary on Livy books 1–5. Oxford, 1965. P. 61.

Римский антиквар I в. до н. э. Марк Теренций Варрон принял утверждение своего учителя Элия Стилона о том, что Дий Фидий назывался на сабинском языке Санком, а на греческом – Геркулесом²⁴, что позволяет говорить о функциональной близости этих божеств²⁵. Именно сабинскому Санку, по мысли Ю. Биндера²⁶, Фабии приносили жертвы, которые совершались на Квиринале²⁷. Скорее всего в основе известного в историческое время культа Геркулеса лежит древний местный ритуал²⁸, который восходил к почитанию Семона Санка или был близок к нему по содержанию священнодействий. Попутно следует отметить, что данная информация дала основания некоторым исследователям причислить Фабиев к родам сабинского происхождения и считать их представителями Квиринальской общины в религиозной организации древнейшего Рима [Momigliano 1963, p. 99]²⁹.

Представление о заселении Квиринала сабинянами опирается на свидетельства традиции, которая единодушно связывает появление сабинян в Риме вместе с их предводителем Титом Тацием, ставшим впоследствии соправителем Ромула³⁰. Более того, раннее присутствие сабинян в Риме подкреплялось этимологической цепочкой, устанавливавшей связь между словами *Quirites*, *curiae*, *curis* (для последнего слова прямо указывалось сабинское происхождение)³¹, а Ромул после смерти почитался под именем Квирина (*Quirinus*).

²⁴ Varro L.L. 5.66: *Aelius Dium Fidium dicebat Diouis filium, ut Graeci Dioskoron Castorem, et putabat hunc esse Sancum ab Sabina lingua et Herculem a Graeca*. Речь идет о божестве *Semo Sancus Dius Fidius*, которое отвечало за верность клятве.

²⁵ А. Шwegлер считал, что на сабинского Санка были перенесены имя греческого Геракла и представления о нем: *Schwegler A. Römische Geschichte*. Tübingen, 1884. Bd. 1. S. 364.

²⁶ *Binder J. Die Plebs*. Leipzig, 1909. S. 115.

²⁷ Квиринал был одним из религиозных центров древнейшего Рима. Там располагалось третье святилище аргеев и храм Квирина (Varro L.L. 5.52). В традиции также говорится о Квиринале как о месте совершения родового культа Фабиев (Liv. 5.46.2; Val. Max. 1.1.11). Что представлял собой этот культ, сказать трудно.

²⁸ *Alföldi A. Die Struktur des voretruskischen Römerstaates*. Heidelberg, 1974. S. 150. О почитании Геркулеса племенами Средней Италии см.: *Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима*. Воронеж, 1964. С. 106–112.

²⁹ *Binder J. Op. cit.* S. 115.

³⁰ Liv. 1.13.5; Fest. P. 304 L; Ovid. *Fast.* 2.475; Serv. *Aen.* 7.710.

³¹ Paul. *Fest.* P. 43 L: *curis est Sabine hasta*; P. 55 L: *hasta, quae lingua Sabinorum curis dicitur*.

Кристофер Смит отметил странность такой ситуации: термин *Quirites*, которым обозначались граждане древнейшего Рима, происходил от названия сабинского города Куры (*Cures*) [Smith 2006, pp. 198–199], тогда как сабиняне начали инкорпорироваться в римскую общину в начале III в. до н.э. после военных побед над ними Манья Курия Дентата³², а полные права римского гражданства они получили между 268 и 241 гг. до н. э. Этот процесс не мог не отразиться на содержании термина *Quirites*, который в сознании римлян уже связывался не с их древнейшим обозначением, а с сабинским городом Куры [Smith 2006, p. 201]. Таким образом, связь Фабиев с Квирином не следует рассматривать как свидетельство их сабинского происхождения³³, однако религиозная привязка к этому месту может пролить свет на роль клана Фабиев в сакральной организации древнейшего Рима.

В источниках сохранились указания на то, что население будущего Рима делилось на две группы – *montani* и *collini*. Если первые принадлежали к территории Палатина и участвовали в празднике Септимонтия (*Septimontium*), то вторые относились к Квириналу и были исключены из совместных с *montani* священных действий³⁴. Римская историческая традиция упорно настаивает на заселении Квиринала сабинянами, хотя современная наука не обладает прямыми археологическими «доказательствами» этого факта [Grandazzi 1997, p. 142]³⁵. Согласно Варрону (L.L. 5.45), на этих территориях располагался город «четырёх регионов», которые включали Субуру, Эсквилин, Коллину (в которую входил Квиринал) и Палатин,

³² Cic. Sen. 55; Liv. Per. 11; Val. Max. 4.3.5; Flor. 1.10.2-3; Apul. Apol. 17; Eutr. 2.9.3; Oros. 3.22.11.

³³ Аналогичные сомнения относительно сабинского происхождения рода Клавдиев высказал В. Шур, хотя традиция единодушно указывает на сабинские корни Клавдиев (Liv. 2.26.4; Dionys. 5.40.5; Tac. Ann. 11.24; Suet. Tib. 1.1). В. Шур исходил из топографии Клавдиевой трибы, территория которой, по его мнению, не могла быть сабинской, так как отделялась от собственно сабинской земли Крустуминской трибой. Родиной Клавдиев он считал одну из восточно-латинских общин: *Schur W. Fremder Adel in römischen Staat der Samniter Kriege // Hermes. 1925. Bd. 59. S. 469.*

³⁴ Fest. P. 474–476 L: *Septimontio*; P. 458 L: *Septimontium*; Paul. – Fest. P. 459 L: *Septimontium*.

³⁵ Более того, в повествовании Ливия можно встретить немало деталей, которые позволяют усомниться в сабинском происхождении Тита Тация, рода Клавдиев и религиозной коллегии *sodales Titii*. См.: Сидорович О.В. «Сабинская тема» и начало Рима в сочинении Тита Ливия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 197–207.

то есть римский антиквар зафиксировал уже стадию существования единого городского пространства и для *montani*, и для *collini*. Исследуя местоположение святилищ республиканского Рима, А. Жолковски обратил внимание на то, что они разделялись на две большие группы: десять храмов находились в Коллинском районе (т. е. на Квиринале) и девять в районе Палатина³⁶. Этот факт, помимо того, что свидетельствует о двучленной структуре социальной и религиозной организации архаического Рима [Koptev 2005, pp. 23–29], указывает на Квиринал как на сакральный центр группы *collini*. Участие республиканских Фабиев в священнодействиях на Квиринале несомненно выдает уходящую в глубь веков связь их предков с Коллинским районом и его населением. В эпоху формирования исторической традиции ритуальный дуализм населения будущего Рима трансформировался в этнический дуализм латинян и сабинян, который, помимо всего, был отмечен их противостоянием, пока оба народа не образовали единый гражданский коллектив. Таким образом, о предыстории Фабиев можно сказать, что они относились к латинской общине, обитавшей на Квиринале, и занимали заметное положение в религиозной жизни коллектива, выполняли определенные священнодействия.

Римская историческая традиция неоднократно подчеркивает приверженность Фабиев исполнению своих *sacra*. Так, Ливий (5.46.2–3) сообщает, что во время осады Рима галлами (390 г. до н. э.) Гай Фабий Дорсуон на глазах у неприятеля спустился с Капитолия, чтобы выполнить на Квиринале установленный обряд. А Дионисий (9.19.1) объясняет поражение Фабиев при Кремере (477 г. до н. э.) необходимостью покинуть лагерь и вернуться в Рим для совершения семейного жертвоприношения, т. е. для раннего периода существования Республики традиция недвусмысленно подчеркивает *pietas* как фамильную черту Фабиев, которая очевидно должна была обеспечить им уважение со стороны сограждан и дать возможность претендовать на ведущую роль в политической жизни Рима, если не благодаря ярким военным победам, то приверженностью фундаментальным ценностям гражданского коллектива³⁷.

Имели ли Фабии непосредственное отношение к культуре Геркулеса, сказать трудно, но почитание Семона Санка, которого впоследствии начали отождествлять с Геркулесом, могло быть частью их фамильных *sacra*. Как мы уже видели, Варрон подчеркивает

³⁶ Наблюдения А. Жолковски приведены в кн.: [Grandazzi 1997, pp. 97–198].

³⁷ Основными добродетелями римского гражданина являлись *fides* (верность по отношению к богам), *pietas* (благочестие) и *virtus* (доблесть). Все они образовывали неразделимое единство.

сабинское происхождение Санка. Но также к сабинским божествам он причисляет Марса, Квирина, Флору и даже – Сатурна³⁸. Однако современная наука относит всех их к общеиталийским божествам [Немировский 1964, с. 6]. Правда, одно дело быть причастными к культу Геркулеса, как Пинарии, другое – возводить к нему свою родословную, как это делали Фабии³⁹.

В Риме известно немало родов, которые вели свое происхождение от троянских и греческих героев и даже богов⁴⁰. В I в. до н. э. римские антиквары создавали сочинения, которые содержали родословия знатных семей. Среди авторов подобных работ можно назвать Тита Помпония Аттика⁴¹, Марка Теренция Варрона⁴² и Мессалу Корвина⁴³. Однако появление таких сочинений скорее можно рассматривать как завершение длительного процесса создания генеалогий, который, по мнению Т. Вайзмана, охватил семьи римской аристократии еще в эпоху Пунических войн, сопровождающуюся тесными контактами Рима с эллинистическими государствами [Wiseman 1974, pp. 153–164]. Следует отметить также род Корнелиев, один из представителей которого – Публий Корнелий Сципион – претендовал на связь с Геркулесом. Подобная ситуация объясняется исследователями тем, что Фабии и Корнелии Сципионы враждовали между собой, и эта вражда отразилась в борьбе за божественного покровителя [Леус 2006, с. 129]. «Соревновательные» генеалогии не были редкостью среди римской политической элиты [Smith 2006, p. 41]. Примером могут служить роды альбанского происхождения, список которых нам оставили Ливий (1.30.2) и Дионисий (3.29.7). Среди альбанских родов Юлии, Гегании и Клелии продолжили генеалогию в глубь веков и связали свое происхождение с Энеем и Троей. Но если Гегании (Verg. Aen. 5.118) и Клелии (Paul. p. 55 L) возводили свои роды к спутникам Энея,

³⁸ Varro L.L. 5.66, 73, 74.

³⁹ Plut. Fab. 1; Ovid. Fast. 2. 237; Ovid. Ex Ponto 3.3.100; Juven. 8.14; Sil. It. 6. 633–635.

⁴⁰ Интересен пример создания родословной Юлиев. Они входили в список родов альбанского происхождения (Liv. 1.30.2; Dionys. 3.29.7; Plut. Rom. 28; Tac. Ann. 11.24), но затем продлили генеалогию в глубь веков и связали свое происхождение с Энеем и Троей (Suet. Jul. 6.1).

⁴¹ Nep. Att. 18. Именно он составил генеалогии Юниев, Клавдиев Марцеллов, Фабиев и Эмилиев.

⁴² Варрон написал сочинение *De familiis Troianis* («О троянских родословиях»), на которое ссылается Сервий, говоря о Навциях (Serv. Aen. 5.704).

⁴³ Plin. N.H. 35.8: *similis causa Messalae seni expressit volumina illa quae de familiis condidit...*

то Юлии – к сыновьям Энея – к Асканию, родившемуся после прибытия Энея в Италию (Dionys. 2.63.3), или к Юлу, появившемуся на свет до разрушения Илиона (Liv. 1.3.2), и даже – к отцу Энея Анхизу (Vell. Pat. 2.41.1)⁴⁴. К «троянским» родам причисляли себя Сергии (Verg. Aen. 5.121), Навции⁴⁵, Эмилии⁴⁶, которые по одной из версий происходили от дочери Энея⁴⁷, и Юнии (Dionys. 4.68.1). Экскурс в родословия римских аристократических семейств свидетельствует о том, что большинство из них ограничивались декларацией своего происхождения от спутников Энея, и только Юлии и Эмилии устанавливали непосредственное родство с самим Энеем. Именно в создании легендарно-мифологических генеалогий отразилось соперничество в рядах римской аристократии⁴⁸. Как правило, оно выражалось у большинства родов в появлении альбанских родословий, немногие могли себе позволить «троянские» родословные, и только отдельные кланы, как Юлии и Эмилии, смогли максимально удревнить своих предков. На фоне такого соревнования Фабии со своим прародителем Геркулесом бросали вызов не только Корнелиям Сципионам, но и «троянским семьям» в древности их знатного происхождения.

В связи с этим важно ответить на вопрос, когда начали складываться родословные аристократических кланов и отражали ли они реальное политическое значение их обладателей. Как уже было отмечено, над литературной обработкой таких родословий трудились римские эрудиты I в. до н. э. В науке существует мнение о том,

⁴⁴ Генеалогия Юлиев была официально представлена Юлием Цезарем в речи, которую он произнес на похоронах своей тетки, в которой обосновывалось происхождение рода от богини Венеры (Suet. Jul. 6.1).

⁴⁵ Навций, товарищ Энея, был жрецом Афины (Dionys. 6.69.1). Афина в Италии почиталась под именем Минервы, служение которой было родовым культом Навциев.

⁴⁶ Павел Диакон (р. 22 L) приводит два объяснения происхождения родового имени Эмилиев: от сына философа Пифагора Мамерка, прозванного Эмюлоном, и от Эмилия, сына Аскания.

⁴⁷ Плутарх (Rom. 2) говорит об Эмилии – дочери Энея и Лавинии, которая и была матерью Ромула.

⁴⁸ Наличие соперничающих группировок среди римской аристократии начиная с V в. до н. э. отмечал Фр. Корнелиус, выделяя группы во главе с Фабиями, Юлиями и Валериями: *Cornelius Fr. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940. S. 119–121*. Известно политическое соперничество между Аппием Клавдием Цеком и Фабием Руллианом (Vir. ill. 34.5). Э. Ференци относил противостояние Фабиев и Клавдиев, к которым примыкали Валерии, к началу Республики: *Ferency E. From the patrician state to the patricio-plebeian state. Budapest, 1976. P. 134–135*.

что именно они заложили основы историко-генеалогической традиции римских аристократов [Молчанов 2013, с. 416]. Оценить эту точку зрения нам поможет объяснение происхождения гентилиция Пинариев.

Плутарх (QR 60) устанавливает связь между именем Пинариев и их отстранением от трапезы, что впоследствии повлияло на представления об этимологии этого имени как идущей от греческого глагола *peīnao* (голодаю). Сервий (8.270), комментатор «Энеиды», приводит даже слова Геркулеса, который обрекает Пинариев на голодное существование: «отныне вы будете голодными» (*peinasete*)⁴⁹. Подобная этимология подсказывает, что имя рода первоначально писалось в форме *Peinasios* и превратилось в *Peinarios* не ранее IV в. до н. э., а форма *Pinarius* появилась только во II в. до н. э. [Wiseman 2008, pp. 28, 31]. Все это указывает на древность происхождения рассказа, а, следовательно, и на раннее начало складывания родословных, причем, даже у таких родов, которые не были отмечены выдающимся положением в государстве⁵⁰. То же можно сказать и о Юлиях, которые включили Прокула Юлия как своего предка в рассказ о кончине Ромула⁵¹. Дионисий (2.63.2) называет Юлия потомком Аскания, а по свидетельству Катона Старшего, Юлом стал зваться сам Асканий после победы над Мезенцием⁵², царем тирренов. Некоторые авторы приписывают этому Юлию альбанское происхождение⁵³. Возможно, это свидетельство является наиболее древней частью родовой традиции, которая связывала Юлиев с Альба-Лонгой, обеспечив им со временем включение в официальный список альбанских родов⁵⁴. Несмотря на то, что

⁴⁹ Анонимный автор сочинения «Происхождение римского народа» (OGR 8.3) придерживается такой же этимологии для Пинариев.

⁵⁰ Впервые Пинарии встречаются на должности высшего магистрата в 472 г. до н. э. Ливий (2.56.1) называет консулом этого года Луция Пинария. И хотя Пинарии встречаются в консульских фастах и после децемвирата, они никогда не отличались высокой политической активностью.

⁵¹ Liv. 1.16.5-7; Cic. de rep. 2.20; de leg. 1.3. Дионисий (2.63.3) называет Юлия потомком Аскания.

⁵² На Катона ссылается комментатор Вергилия Сервий (Aen. 1.267–268: *secundum Catonem historiae hoc habet fides: ...et occiso Mezentio Ascanium Iulum coeptum vocari...*). Об авторстве этого свидетельства, принадлежит ли оно Канону или Луцию Цезарю (OGR 15.5), см. комментарий: *The fragments of the Roman historians* / ed. by T.J. Cornell. Oxford, 2013. Vol. 3. P. 71–72.

⁵³ Ovid. Fast. 2.499; Plut. Rom. 28; Tac. Ann. 11.24.

⁵⁴ Списки альбанских родов присутствуют в сочинении Ливия (1.30.2) и Дионисия (3.29.7), но порядок их перечисления у обоих авторов неодн-

первый представитель рода Юлиев появляется в фастах под 482 г. до н. э.⁵⁵, а в целом Юлии редко занимали высшую магистратуру, это не дает основание современным исследователям придерживаться точек зрения Фр. Мюнцера и Р. Сайма и причислять Юлиев к мало-заметным в политической жизни Рима родам вплоть до I в. до н. э.⁵⁶

Приведенные примеры позволяют сделать следующие наблюдения: генеалогии начали создаваться в Риме с IV в. до н. э.; процесс их формирования был длительным и не зависел от политической активности клана; на него повлияли контакты с греческим миром, причем наметилась основная тенденция искать прародителя среди героев троянского цикла или возводить происхождение к божественным сущностям. Последние могли быть одинаковыми у родоначальников различных кланов, как у Пинариев, Фабиев и Корнелиев Сципионов. Фабии и Корнелии Сципионы стали претендовать на Геркулеса как на своего прародителя/покровителя, что закреплялось в генеалогиях этих родов. Идея сравнения Геркулеса и Сципиона зародилась еще при жизни последнего, причем к ее оформлению приложил руку поэт Энний, родом из Великой Греции, где сохранялась традиция почитания героев [Леус 2006, с. 131, 135; Бобровникова 1997, с. 40–44]. А вот Фабии вероятно позаботились об этом раньше.

В этом отношении наше внимание привлекает личность Квинта Фабия Руллиана, ставшего цензором в 304 г. вместе с Публием Децием. Он был первым из Фабиев, который получил когномен *Maximus* за свою реформаторскую деятельность, способствовавшую примирению сословий в Риме, пять раз избирался консулом (322, 310, 308, 297, 295 гг. до н. э.) и трижды справлял триумфы⁵⁷. Ливий (9.44.16) сообщает, что в 305 г. до н. э. после очередной победы над самнитами «на Капитолии воздвигли и освятили огромное изваяние Геркулеса»⁵⁸. Мы не знаем, был ли Фабий Руллиан инициатором этого мероприятия, однако можно предположить, что уже в то время Фабии начали проявлять интерес к Геркулесу. Впоследствии, уже во время II Пунической войны, Фабий Максим

наков. Первое и второе места в обоих списках занимают Юлии и Сервилии, что дало основание Фр. Мюнцеру говорить об их исключительном положении среди других родов: *Münzer Fr. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 133.*

⁵⁵ Ливий (2.43.1) пишет, что консулом этого года был Гай Юлий Юл.

⁵⁶ Консул из рода Юлиев появился в 157 г. до н. э., а в 120-х гг. была отчеканена монета Секста Юлия с изображением Венеры: *The fragments of the Roman historians. Oxford, 2013. Vol. 3. P. 72.*

⁵⁷ Liv. 9.46.14–15; Plut. Fab. 1, 24; Val. Max. 2.2.9; OGR 32.

⁵⁸ Liv. 9.44.16. Пер. Н.В. Брагинской.

Веррукоз – внук Фабия Руллиана⁵⁹, после взятия Тарента перевез оттуда «огромное изображение Геракла и воздвигнул его на Капитолии»⁶⁰. Рядом он поставил свою конную статую из бронзы, желая, очевидно, увековечить свою победу соседством с Геркулесом Непобедимым (*Hercules Invictus*). В обоих случаях речь идет о статуях Геркулеса/Геракла на Капитолии, расположенных по соседству с алтарем (*Ara Maxima*), посвященным Геркулесу, на Бычьем Форуме (*Forum Boarium*), который пролегал от подножия Авентина до подножия Капитолия, образуя единое пространство, отмеченное почитанием Геркулеса⁶¹. Именно здесь Геркулес почитался как Непобедимый, поскольку алтарь был возведен в честь его победы над силачом (или чудовищем) Каком⁶². Думается, что истоки легенды о происхождении Фабиев от Геркулеса следует искать уже в конце IV в. до н. э. Начало этого процесса несомненно можно связать с Фабием Руллианом, который к тому же занимался религиозными вопросами на государственном уровне.

Известно, что во время своего цензурства Фабий Руллиан учредил торжественный выезд всадников⁶³, маршрут которого пролегал через Форум от храма Марса до храма Диоскуров – братьев-юношей, которые помогли римлянам одержать победу над латинами в битве у Регилльского озера⁶⁴. Из сообщения Валерия Максима выясняется, что процессия всадников состояла из юношей, которых он сравнивает с луперками. И выезд всадников, и бег луперков он рассматривает как ежегодную возможность для юношей из всаднического сословия показать себя⁶⁵. Подобная ситуация дала возможность Т. Вайзману утверждать, что разделение луперков на две группы Фабиев и Квинкциев проходило по аналогии с формированием всаднического корпуса из элитой молодежи (*equites priores et posteriores*) и являлось результатом деятельности Фабия Руллиана на посту цензора [Wiseman 1995, pp. 127, 140]. Развивая взгляды Т. Вайзмана на реорганизацию луперков, А.В. Коптев приходит к выводу, что деятельность Руллиана скорее всего была нацелена

⁵⁹ Liv. 24.9.8.

⁶⁰ Plut. Fab. 22. Пер. С.П. Маркиша. Согласно Плинию (N.H. 34.40), это была статуя Геракла работы Лисиппа.

⁶¹ О существовании нескольких святилищ Геркулеса вблизи *Ara Maxima* см.: Varro L.L. 6.54; Strabo 5.3.3 <230>; Solin. 1.10; Plut. Q.R. 90.

⁶² Liv. 1.7.5-11; Ovid. Fast. 1.581; Macrobian. Sat. 3.6.17, 11.7, 12.4.

⁶³ Liv. 9.46.15; Dionys. 6.13.4; Val. Max. 2.2.9; De vir. ill. 32.3.

⁶⁴ Cic. De nat. deor. 2.6; Liv. 2.20.12; Flor. 1.11.4.

⁶⁵ Val. Max. 2.2.9: *equestris... ordinis iuventus omnibus annis bis urbem spectaculo sui sub magnis auctoribus celebrabat*. Луперкалии проходили 15 февраля, выезд всадников осуществлялся 15 июля.

на замену первоначального обозначения команды дуперков-победителей как *fauiani* на *fabiani*, что впоследствии приобрело устойчивую связь с Фабиями [Коптев 2005, р. 21, по. 73]. Очевидно, именно здесь следует искать появление в легенде о близнецах Фабиев как товарищей Рема, который стал восприниматься первым главой *Luperci Fabiani*. Этот вариант легенды и передал в своем сочинении Овидий.

Следует также обратить внимание на то, что в схожих эпизодах Ливий и Овидий используют лексику из профессионального языка жрецов: *exta* (внутренности), *stridentia exta* (шипящие на огне внутренности). Разъяснения по поводу приготовления внутренностей жертвенного животного со ссылкой на книги понтификов делает Варрон (L.L. 5.98): внутренние органы жертвенного животного либо варили в горшке, либо жарили на вертеле. Данное свидетельство Варрона позволяет говорить о том, что и Ливий, и Овидий использовали информацию, восходящую к письменным памятникам коллегии понтификов, которые отвечали за совершение общественных жертвоприношений в Риме. Вероятно, что и сами эпизоды, связанные с объяснением причины отстранения Пинариев от поедания внутренностей жертвы у Ливия, и причины, по которой Фабиям предписывалось участие в подобной практике у Овидия, происходят из сочинений понтификов, в которых фиксировались различные стороны их ритуальной практики. Оба рассказа повествуют о распределении ролей среди двух групп участников жертвоприношений – Фавну и Геркулесу: одни поедали внутренности жертвенного животного (*exta*), а другие – его мясо (*viscera*)⁶⁶. Однако Фабии у Овидия (*Fast.* 2.376), судя по всему, съели не только внутренности, но и остальные части жертвенного животного, оставив Ромулу и его людям лишь обглоданные кости (*ossa nuda*).

Ливий и Овидий рассказывают сходные истории с разным настроением: у Ливия – краткое в сдержанной тональности повествование о Поттициях и Пинариях, у Овидия – шуточный рассказ не столько о Реме, сколько о его товарищах Фабиях, которые оставили Ромула ни с чем. Описанная Овидием курьезная ситуация перекликается с еще одним анекдотичным случаем, который приключился с начальником конницы Квинтом Фабием Руллианом и диктатором Луцием Папирием Курсором во время Второй Самнитской войны⁶⁷. Об этом повествует Ливий (8.30.2–13). В отсутствие дикта-

⁶⁶ Хотя Пинарии опоздали к раздаче внутренностей, они участвовали в жертвенном обеде (*Liv.* 1.7.13: *Pinarii extis adesis ad ceteram venirent dapem*).

⁶⁷ *Liv.* 8.29.9.

тора, который отправился в Рим для проведения повторных ауспиций, и вопреки его запрету вести войну начальник конницы Квинт Фабий возглавил войско и одержал победу над самнитами, захватив множество вражеских доспехов и оружия, которые он приказал свалить в огромную кучу и поджег ее. Объяснения причин такого поведения разнятся. Одно из них приводит историк Фабий Пиктор: начальник конницы сделал это, чтобы диктатор не мог воспользоваться плодами чужой победы, написав на военной добыче свое имя и взяв ее с собой в Рим на время триумфа.

Оба эпизода, в которых рассказывается о Фабиях, объединяет общая черта – они связаны с религиозными правилами: в одном – с распределением внутренностей жертвенного животного между участниками священнодействия⁶⁸, в другом – с проведением ауспиций перед началом военного похода⁶⁹. Оба анекдотичных случая, несомненно, были заимствованы из семейных преданий рода Фабиев, точнее из песен (*carmina*), которые складывались в среде воюющей молодежи [Сидорович 2005, с. 24–25]⁷⁰, ведь и спутники Рема, и начальник конницы были юношами⁷¹. Передаваемая таким образом информация о деяниях предков рода Фабиев попала в сочинение Фабия Пиктора, став впоследствии достоянием анналистической историографии и поэтического сочинения⁷². Важно отметить еще одну деталь: оба рассказа выстраиваются вокруг информации религиозного содержания, которая заносилась в документы жреческих коллегий, в данном случае – понтификов и авгуров⁷³. Участие представителей рода Фабиев в качестве действующих лиц рассказов,

⁶⁸ Считается, что Овидий изложил причину, по которой род Фабиев имел привилегию поедания жертвенного животного во время Луперкалий: Ovid *Fasti* Book 2 / ed. by M. Robinson. Oxford, 2011. P. 260.

⁶⁹ Ливий (8.30.1) говорит об ошибке, закрывшейся при проведении птицегаданий и проявившейся в неистовой вражде военачальников. Именно для проведения повторных ауспиций диктатор Папирий отправился в Рим.

⁷⁰ О таких песнях говорят Катон Старший (Cic. *Brut.* 75; *Tusc.* 1.2.3; 4.2.3) и Варрон (*de vita pop. Rom.* 2).

⁷¹ Начальника конницы Квинта Фабия Ливий (8.30.4) называет *ferox adulescens* (дерзким юношей).

⁷² В рассказе о рождении близнецов и их судьбе Овидий (F. 2.381–422) также следует версии Фабия Пиктора, выбирая ее из множества других существовавших рассказов (Plut. *Rom.* 2.1–8), на что обратил внимание комментатор Овидия М. Робинсон: Ovid *Fasti* Book 2. P. 263.

⁷³ О содержании документов жреческих коллегий см.: Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н. э. М., 2005. С. 37–71, 77–80.

которые складываются на основе религиозных предписаний, свидетельствует об их доступе к жреческим документам и, следовательно, о занятии ими жреческих должностей. Достаточно вспомнить, что Фабий Руллиан – главный персонаж рассказа о конфликте с диктатором, став цензором, учредил новую праздничную церемонию, о чем речь шла выше.

Еще один, относящийся к 483 г. до н. э. эпизод, связывает в анналистической традиции род Фабиев с информацией жреческого происхождения. Под этим годом у Ливия (2.42.7) консулами значатся Марк Фабий и Луций Валерий. Их пребывание во власти не отмечено никакими военными победами, зато сопровождалось грозными небесными знаменьями. Ливий завершает описание этой ситуации краткой заметкой: «страхи... разрешились тем, что весталку Оппию осудили за блуд и казнили»⁷⁴. Лаконизм Ливия может указывать на происхождение данной заметки из каких-то жреческих записей, а соединение зловещего знака, к которому относилась потеря целомудрия весталкой, с консульством Фабия (и Валерия) свидетельствует о том, что Фабии были представлены в коллегии понтификов⁷⁵ и авгуров⁷⁶, и либо имели доступ к архивам этих жреческих коллегий, либо хранили копии записей в семейном архиве. В любом случае их нахождение в высшем эшелоне римского жречества уже в V в. до н. э. было неоспоримым для Фабия Пиктора, что нашло отражение в рассказе Ливия.

Заключение

Конечно, Фабии имели своего историографа – Квинта Фабия Пиктора, с которого началась практика написания исторических сочинений в Риме. Он приложил немало усилий, чтобы представить деяния своих предков в наиболее благоприятном свете. Однако несправедливо делать его ответственным за воссоздание всей истории клана с древнейших времен.

⁷⁴ Liv. 2.42.11: qui terrores tamen eo evasere ut Oppia virgo Vestalis damnata incesti poenas dederit. Пер. Н.А. Поздняковой. Эту же историю со многими подробностями описывает Дионисий (8.87–89.5), но называет весталку Опимией.

⁷⁵ Первое предположение основывается на том, что в эпоху Республики коллегия весталок находилась под контролем великого понтифика.

⁷⁶ Второе предположение основывается на том, что все зловещие знаки входили в перечень наблюдаемых авгурами знамений (Paul. Fest. P. 125 L) и истолковывались ими. См.: Сидорович О.В. Жреческая традиция в Древнем Риме: Культ, ритуал, история. М., 2018. С. 85.

Появление Фабиев в рассказе о пастушеской юности братьев-близнецов восходит ко времени не позднее конца IV – начала III в. до н. э. Представление их Овидием как людей из окружения Рема, который на рубеже эр уже считался проигравшей стороной, отражает начальную стадию формирования легенды, связанную с деятельностью Квинта Фабия Руллиана на политическом и религиозном поприщах. Его можно считать ключевой фигурой в формировании легендарных родословных Фабиев: одна родословная связывала Фабиев с Ремом и древнейшими священнодействиями луперков, другая – указывала на Геркулеса как на их прародителя. От Руллиана также берет начало интерес Фабиев к деталям религиозной жизни, которые они включали в рассказы о своем прошлом, имея доступ к записям жреческих коллегий. В исторической традиции Фабии выступают как носители благочестия – качества, которое в сочетании с воинской доблестью выгодно отличало их от других аристократических кланов республиканского Рима.

Литература

- Бобровникова 1997 – *Бобровникова Т.А.* Сакральные-правовые и философские взгляды Квинта Энния // Древнее право. *Ius antiquum*. 1997. № 1 (2). С. 40–44.
- Леус 2006 – *Леус В.А.* Сципион и Геркулес // *Antiquitas Iuventae* / под ред. Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. Саратов, 2006. С. 125–135.
- Молчанов 2013 – *Молчанов А.А.* Маний Ацилий Глабрион – «потомок Энея» (К интерпретации одного из сообщений Геродиана) // *Monumentum Gregorianum: Сб. научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина* / отв. ред. А.И. Иванчик. М., 2013. С. 413–418.
- Немировский 1964 – *Немировский А.И.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1964. 208 с.
- Сидорович 2005 – *Сидорович О.В.* Единоробство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / гл. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005. С. 18–30.
- Grandazzi 1997 – *Grandazzi A.* The foundation of Rome. Myth and history / transl. by J.M. Todd. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1997. 236 p.
- Коптев 2005 – *Коптев А.* Exploring the tripartite archetype in the historical tradition on archaic Rome // *Studies in Latin literature and Roman history* / ed. by C. Deroux. Bruxelles, 2005. P. 5–47. (Collection Latomus; vol. 12, iss. 287)
- Momigliano 1963 – *Momigliano A.* An interim report on the origins of Rome // *The Journal of Roman Studies*. 1963. Vol. 53. P. 95–121.

- Smith 2006 – *Smith C.J.* The Roman clan. The gens from ancient ideology to modern anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 393 p.
- Wiseman 1974 – *Wiseman T.P.* Legendary genealogies in late-republican Rome // Greece and Rome. 1974. Vol. 21. No. 2. P. 153–164.
- Wiseman 1995 – *Wiseman T.P.* Remus. A Roman myth. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 243 p.
- Wiseman 2008 – *Wiseman T.P.* The Myths of Rome. Exeter: University of Exeter Press, 2008. 390p.

References

- Bobrovnikova, T.A. (1997), “Sacral, legal and philosophical views of Quintus Ennius”, *Ius antiquum*, vol. 2, no. 1, pp. 40–44.
- Grandazzi, A. (1997), *The foundation of Rome. Myth and history*, Cornell Univ. Press, Ithaca, USA, London, UK.
- Koptev, A. (2005), “Exploring the tripartite archetype in the historical tradition on archaic Rome”, in Deroux, C., ed., *Studies in Latin literature and Roman history*, Bruxelles, Belgium, pp. 5–47. (*Collection Latomus; vol. 12, iss. 287*)
- Leus, V.A. (2006), “Scipio and Hercules”, in Smykova, E.V. and Mosolkina, A.V., eds., *Antiquitas Iuventae*, Saratov, Russia, pp. 125–135.
- Molchanov, A.A. (2013), “Manius Acilius Glabrio – ‘the descendant of Aeneus’ (On interpretation of a Geordian’s report)”, in Ivanchik, A.I., ed., *Monumentum Gregorianum: Sbornik nauchnykh statei pamyati akademika Grigoriya Maksimovicha Bongard-Levina* [Monumentum Gregorianum. The Grigorii Bongard-Levin memorial collected articles], Moscow, Russia, pp. 413–418.
- Momigliano, A. (1963), “An interim report on the origins of Rome”, *The Journal of Roman Studies*, vol. 53, pp. 95–121.
- Nemirovskii, A.I. (1964), *Ideologiya i kul'tura rannego Rima* [Ideology and culture of early Rome], Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, Voronezh, USSR.
- Sidorovich, O.V. (2005), “Single combat in the value system of a Roman citizen during the Republican period”, in Senyavskaya, E.S., ed., *Voенно-istoricheskaya antropologiya: Ezhegodnik, 2003/2004. Nozые nauchnye napravleniya* [Military and historical anthropology. Annual, 2003/2004. New academic approaches, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 18–30.
- Smith, C.J. (2006), *The Roman clan. The gens from ancient ideology to modern anthropology*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wiseman, T.P. (1974), “Legendary genealogies in late-republican Rome”, *Greece and Rome*, vol. 21, no. 2, pp. 153–164.
- Wiseman, T.P. (1995), *Remus. A Roman myth*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wiseman, T.P. (2008), *The myths of Rome*, University of Exeter Press, Exeter, UK.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6, varro52@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9832-1050

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; varro52@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9832-1050